

**«ЯЗЫК» В СОВРЕМЕННОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ ГРУППЫ**
Т. М. Белова, Е. В. Медведева, Л. Х. Сарамотина, И. В. Савельева

«LANGUAGE» IN THE MODERN YOUTH'S NAÏVE PICTURE OF THE WORLD
T. M. Belova, E. V. Medvedeva, L. Kh. Saramotina, I. V. Savelieva

В данной статье рассматриваются представления о языке внутри однородной социально-возрастной группы с выделением свойств и мифологем обыденного сознания. Обобщаются результаты исследования особенностей проявления индивидуального и общего в метаязыковом сознании представителей молодежной группы.

The article deals with language ordinary representations within the youth, focusing on particular features and mythologemes in ordinary beliefs. It generalizes the results of the research studying personality and group manifestation of individual and general in metalinguistic consciousness of the youth.

Ключевые слова: язык, свойства обыденного сознания, наивная картина мира, мифологемы, оппозиция «общее – индивидуальное».

Keywords: language, ordinary consciousness characteristics, naïve picture of the world, mythologemes, the opposition «general – individual».

Одним из актуальных направлений лингвистических исследований в последнее время становится исследование метаязыкового сознания рядовых носителей языка с целью выявления отраженных в нем особенностей представления о таком сложном явлении как язык. «Язык становится как бы двойником homo sapiens. Он проникает внутрь человека. Он формирует его сознание» [2, с. 12]. Являясь главным предметом лингвистики, термин «язык» имеет множество определений, которые варьируются в зависимости от аспекта исследования. Общеизвестно, что не только лингвисты (ученые) обладают активной рефлексией по отношению к языку.

Каждый человек, взаимодействуя с окружающей его действительностью (миром), формирует некую его (мира) модель или картину мира, в которой концептуально отражены его основные составляющие. Взаимодействие с окружающим миром (его познание) происходит на разных уровнях, в том числе и на бытовом (повседневном или обыденном). Все эти обыденные представления о явлениях окружающей действительности образуют наивную (обыденную) картину мира. Как отмечает Ю. Д. Апресян, наивная или обыденная картина мира «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные компоненты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [1, с. 39].

Исследование взаимодействия обыденного (наивного) и научного познания уже давно представляет интерес в разных областях знания и нашло свое отражение в трудах таких ученых, как И. Кант, Э. Гуссерль, А. Ф. Лосев, В. И. Вернадский, Дж. Келли, Л. С. Выготский и др., которые отмечают тесную взаимосвязь наивного и научного, так как именно наивное восходит к научному, в то же время являясь конкретным, житейским, практически ориентированным его преломлением. Обыденное знание «неотде-

лимо от нашей телесности, языка и социальной истории» [8].

Под обыденным сознанием понимается практическое сознание людей, выходящее за рамки любой узко специализированной профессиональной области и являющееся основой повседневной познавательной деятельности. Оно имеет социальную природу, разделяется большой группой людей и тесно связано с языковой картиной мира.

Специфические особенности обыденного сознания описываются в целом ряде исследований (С. Гусев, А. Н. Ростова, Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева, В. Б. Кашкин, Е. В. Улыбина и др.). Исследователи признают, что свойства обыденного сознания часто относительны и не всегда противоположны научному сознанию. Логичность, четкость, относительная завершенность, например, в первом случае могут быть выражены в меньшей степени. «Открытость, глобальность, незавершенность роднит его с научным познанием» [10, с. 416]. Обыденные знания не только рациональны, но и иррациональны, основаны не только на логическом восприятии мира, но и на мифологическом. Обыденные представления – «ближе к вере, нежели к знанию» [5, с. 46].

Как справедливо отмечает Н. Д. Голев, «для индивидуального обыденного метаязыкового сознания характерно некоторое упрощение сложных причинно-следственных связей; в этом упрощении можно легко обнаружить замену объективной диалектики на односторонние представления. Многие из них, будучи поддержаны школьными установками, многократно повторяются, и на этой основе в массовом метаязыковом сознании формируются устойчивые стереотипы, многие из которых по праву могут быть названы лингвистическими легендами или мифами» [3].

Многие «мифы» обыденного сознания, включая мифологические представления метаязыкового обыденного сознания, описаны исследователями (В. Б. Кашкин, Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева, Л. Г. Ким, М. Р. Шумарина и др.).

Наряду с другими явлениями окружающей действительности язык занимает важное место в наивной картине мира, а, следовательно, и в обыденном сознании. Он отражает для человека окружающий его мир, культуру, созданную человеком, хранит культуру для человека и передает ее от человека к человеку, от родителей к детям [9].

В данной статье сделана попытка описания обыденных представлений о языке внутри однородной социально-возрастной группы (студентов 1 – 3 курса КемГУ). Участникам эксперимента (студентам филологического, социально-психологического, экономического, физического и биологического факультетов) было предложено ответить на вопросы анкеты, разработанной профессором В. Б. Кашкиным (с включением дополнительного вопроса). Вопросы анкеты были следующими:

1. Что такое язык?
2. Где находится язык?
3. Из чего состоит язык?
4. Какой язык самый красивый?
5. Сколько значений имеет слово в русском языке и сколько значений имеет слово в английском языке?
6. Что самое важное при переводе текста?
7. Зачем изучать как устроен язык?

При предъявлении респондентами экспериментальных бланков им задавались вопросы для прояснения некоторых суждений, и полученные комментарии, рефлексивы по терминологии М. Р. Шумариной (в дальнейшем РФ), также учитывались (орфография и пунктуация в суждениях респондентов оставлены без изменения). Мы полагаем, что можно сравнить, как проявляются свойства обыденного сознания у представителей гуманитарных (1 группа – Л) и естественно-научных (2 группа – Ф) направлений.

С позиций утвердившейся в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы суждения респондентов о языке рассматриваются как сообщения-тексты адресанта (респондента) адресату (в данном случае адресатом является преподаватель). Размышления над вопросами об языке наших респондентов, как представляется, можно посчитать своеобразным актом коммуникации (к тому же многие суждения сопровождалась метаязыковыми «вкраплениями» и пояснениями). Можно предположить, что именно своеобразие адресанта может составить «наибольшую ценность сообщения» [6, с. 281].

Реальность составляет оппозиция «общее» – «индивидуальное». Антиномические отношения «общего» и «индивидуального» обусловлены онтологией языка. Язык служит средством общения между всеми членами лингвистической общности. Вместе с тем он является для каждого члена этой общности средством выражения самого себя. Индивидуальное, следовательно, не может быть сведено к социальному. Индивидуализация существует «в пределах стандартизованной модели языка, отражающей общие для конкретного говорящего коллектива представления о языковом устройстве и функционировании» [7, с. 55].

Примечательно то, что высказываниях участников эксперимента, представляющих молодежную субкультуру, «общее» нередко преобладает над «индиви-

дуальным». Так, размышляя о языке, большинство респондентов выделяют инструментальную функцию языка и его связь с общением: *«Язык – это средство (способ) общения (коммуникации), передачи информации; функция, способность человека для передачи информации и общения друг с другом; инструмент для общения между людьми»*. Респонденты первой группы (Л) часто говорят о языке как системе знаков: *«система знаков, с помощью которой люди хранят и передают информацию, общаются между собой. Думаю, у животных тоже есть свой определенный язык; Язык – это знаковая система. У каждой страны свой национальный язык. Это знаковая ситема, с помощью которой люди могут общаться, передавать друг другу информацию. Язык – это сокровище и достояние каждого народа»*.

В некоторых суждениях отмечается связь языка с культурой, и это может быть как культура определенной нации, так и всего мира: *«достояние отдельной определенной нации, один из самых важных аспектов человечества; богатство всего мира; часть культуры народа; отражает ментальность народа, этноса»*. Для обыденного сознания характерен акцент на «вещественном» обозначении языковых явлений (мифологема «вещности» языка по терминологии В. Б. Кашкина): *«Язык – словарный запас; совокупность (набор) слов, предложений, букв; сочетание звуков (букв), которые имеют какое-либо значение; состоит из тканей или букв, слов, словосочетаний, предложений и т. д.; из слов, из фраз, из предложений, иногда из жестов»* и т. д. Некоторые респонденты стремятся обобщить свои представления о языке, придать им более глобальный характер с одной стороны, и структурировать их с другой: *«Язык – система звуков, образующих более сложные структуры, регулируемые определенными правилами и имеющие возможность интегрироваться в определенную последовательность; Язык состоит из знаков и звуков, имеющих свойство составляться в информационные комплексы» (Л)*. Само слово в русском языке неоднозначно, что и было отмечено в ряде суждений: *«Язык 1) орган (внутренний), присутствует во многих организмах. Помогает распознавать разные вкусовые факторы. 2) Способ взаимодействия людей в обществе (Ф)»*.

Желание «научно» обосновать свое мнение («пофилософствовать» в широком смысле) как свойство обыденного сознания, реализующееся в «псевдонаучных» обоснованиях, также проявляется в некоторых суждениях респондентов преимущественно второй группы (Ф): *«Слово язык можно трактовать по разному. Например: язык – это часть челов. органа, Или, напр., иностр. языки, которые изучаются в школах, университетах. У этого слова много функций»; «Язык – мускульный орган хордовых животных»; «Язык – средство речевого оборота»*.

Вопрос о местонахождении языка был «коварен» сам по себе и это отразилось на разноречивом характере суждений. В высказываниях респондентов обеих групп можно выделить три основные тенденции:

1. Связь языка с человеком говорящим: язык находится *«в сознании; в голове; в мозге; в менталите-*

те и мыслях; в памяти; в душе; в сердце; внутри нас; там, где человек».

2. Связь языка с географическим ареалом, в котором живут люди, говорящие на нем: «в каждой стране; в мире; на родине этого языка; там, где народ; среде обитания народа».

3. Связь языка с результатами речевой деятельности: «в определенном словаре той или иной культуры; зафиксирован в письменной и устной форме; в книгах, текстах и в речи его носителей; язык государственной записан в определенных документах».

В суждениях о местонахождении языка проявляются такие свойства обыденного сознания как глобальность, образность: «повсюду; везде; в обществе; во всем мире; среди всего живого в самых разнообразных его проявлениях; в цивилизованном обществе».

Около 50 % респондентов отмечают связь языка с мышлением и эмоциональной сферой: «язык состоит из множества слов, звуков, мыслей и главное, эмоций; слов, предложений, понятий, умозаключений; из внутренних представлений каждого человека, из его навыков, знаний относительно языка, из его представлений о языке; из чувств и эмоций; это мысли человека». В первой группе (Л) есть попытки дать системное, законченное определение языка: «язык состоит из мысленных образов, облеченных в фонетическую и графическую форму. Причем эти мысленные образы взаимосвязаны и подчинены целям коммуникации».

В суждениях респондентов обнаруживаются явные проявления орфографоцентризма (Н. Д. Голев) – ориентацию на правила и правильность: язык состоит из «правил, исключений; правил, требований; слов, их правильного произношения, написания и т. д.; алфавита и правил чтения и написания произношения букв; грамматических правил; правильности речи». В обеих группах нередко в одном ряду располагаются равноуровневые языковые единицы и разделы, входящие в базовый курс изучения русского языка: «язык состоит из многообразия форм самого языка; определенных слов: подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство и др.; слов, устоявшихся словосочетаний, определенных жаргонов присущих профессиям и определенным кругам; слов, грамматики, фразеологизмов и т. д.; частей речи, слов, букв, звуков; традиций, потом правил произношения, грамматики, аспектов перевода» и т. д.

Мифологема оценочности ярко проявляется в обеих группах. Традиционно, самым красивым языком в мире считается французский язык. Результаты проведенного исследования показали, что часть респондентов (примерно 35 %) продолжает считать французский язык самым красивым, причем это, в основном, представители второй группы (Ф): «самый красивый – французский, оцениваю как поэт (РФ – французские песни) (Л); По моему мнению французский язык самый красивый; Более приятным на слух является французский язык, его изящество не повторяет ни один из других языков (Ф)».

Большинство респондентов обеих групп выбирает русский (родной) язык: «На мой взгляд, конечно же самый красивый, разнообразный своими синонимами

и многозначием – это русский, родной язык, а по произношению и на слух очень впечатляет произношение и красота французского языка; русский, т. к. родной; На мой взгляд, самый красивый язык, это мой родной язык – русский» и т. д. Также упоминаются итальянский, хинди, польский, немецкий, испанский, японский, корейский, португальский, ирландский (гэльский), греческий, латинский языки. Иностранные языки выбираются за их звучание, связь с определенной страной и культурой: «немецкий язык с его жесткими речевыми формами; Когда слышишь его (итальянский), представляешь гул и шум на площади Венеции, разговоры совершенно разных людей. Какой язык слышишь, ту страну и представляешь; нравиться как звучит французский». В этой связи можно говорить о тенденции к разрушению межкультурного мифа, связанной с действительным изменением статуса французского языка. Можно говорить об усилении значимости других языков: «Каждый язык по своему красив. Красота языка не может оцениваться. Нет некрасивых языков; Все своеобразной красоты (Ф). Каждый язык имеет свои особенности и свою специфику; Каждый язык красив по-своему; Нельзя категорично определить, какой язык красивый, а какой нет. У каждого языка есть своя особенность и красота» (Л).

В суждениях респондентов присутствует такое свойство, как ошибкобоязнь (Н. Д. Голев), которое проявляется в попытке придать больший вес своему высказыванию, «спрятаться за авторитетом» или «обезличить» ответ: «Красивыми языками считаются: русский, французский; даже Наполеон говорил, что он создан, чтобы говорить с женщиной; французский общепризнан красивым, если не ошибаюсь». Интересна попытка сравнительного анализа русского языка с другими мировыми языками, предпринимаемая респондентом первой группы (Л): «с художественной точки зрения русский язык – самый красивый, он дает широкие возможности описания. Ни один другой язык мира так не подходит для литературного творчества, как русский. С фонетической же точки зрения (на слух) самыми красивыми мне кажутся азиатские языки: китайский, японский, корейский; в литературном значении русский язык самый красивый, много эпитетов, прилагательных, много различных значений».

Для суждений респондентов обеих групп о количестве значений у слова в английском и русском языках характерно мифологическое представление о внутренней дискретности слова: «до 5 – 10 значений; до 14 значений; слово в русском языке может иметь одно или множество значений; в зависимости от контекста от 3 до 7; 1-3; Рус. – не одно, наверняка. Англ. – одно; 2 – 3 значения; 1 – 2 значения; Рус. – одно и более. Англ. – 2 и более; 2; множество или одно» и т. д. Многие респонденты отмечают, что слова в английском и русском языках имеют несколько значений: «Как правило, в русском языке одно слово имеет несколько значений. Знач. зависит от эпохи, окружения, соц. слоев; Я считаю, что каждое слово в нашем языке может быть многозначным и иметь несколько определений. На мой взгляд, русский язык

самый разнообразный и самый сложный». Примечательно то, что достаточно большая часть респондентов (примерно 25 %) считают, что слова английского языка имеют меньше значений, чем слова русского языка: «в английском языке, в отличие от русского, слова, имеющие несколько значений, встречаются намного реже; и в английском языке слово имеет несколько значений, но меньше, чем в русском; два значения в русском и одно в английском; русский разнообразнее». В некоторых суждениях (примерно 10 %) утверждается, что, напротив, английский язык многозначнее: «в английском языке все слова имеют много значений». Интересна попытка дать объяснение нынешнему положению дел: «В русском языке чаще каждое слово имеет одно значение, но с появлением жаргонных слов, мы стали иметь все больше значений. В английском языке слово всегда имело множественство самых различных значений, которые часто нельзя назвать синонимами». Свообразие обнаруживается в суждениях, включающих какие-либо пояснения: «Русский язык очень богат и обширен. Одно понятие или термин может обрести множество оболочек в качестве слова (Л); Сколько значений? В зависимости от его понимания другим и стремится к единственности (Ф)».

Самым важным при переводе в обеих группах считается смысл текста. Так, более 50 % респондентов говорят о том, что «самое важное при переводе – это понять смысл, идею про что этот текст». Примерно 25 % респондентов считают равно важным знание лексики, грамматики и передачу смысла: «наличие словарного запаса и грамматика; знание определенных слов и понимание смысла; знание времен, грамматики и семантики слов». В некоторых суждениях прослеживается ориентация на структуру и правила языка: «чтобы текст был переведен правильно, соблюдая все правила; правильно переводить слова, грамотно составлять предложения, не допускать ошибок в написании слов; знать правила другого языка; знать структуру языка; хороший перевод – это перевод каждого слова с соблюдением грамматических норм; Важное при переводе – найти слова, созвучные со своим языком; выбрать значения слов, опираясь на контекст». Для отдельных респондентов важен эмоциональный и психологический аспект: «передать чувства и эмоции».

Таким образом, несмотря на множественность и неоднозначность суждений, в языковом сознании данной социально-возрастной группы лидируют две основные переводческие технологии – линейный, пословный перевод, дополненный знанием грамматических и стилистических особенностей иностранного языка, и «смысловой» перевод. При этом синдром ошибкобоязни, сформированный системой обучения в средней (а затем и высшей) школе, четко прослеживается в ориентации на правила: «Хороший перевод – это точный перевод. Знать важно правильное значение слова, его часть речи, его время. Если мы не будем руководствоваться при переводе текста, смысл будет утерян (Л); Соблюдение всех правил (Ф)» и т. д.

Миф о «верховенстве» правил проявляется ярко в высказываниях абсолютного большинства респондентов. Несомненно, он самым непосредственным образом связан с явлением орфографоцентризма (Н. Д. Голев), заключающемся в обучении орфографии исключительно по правилам. У познающего субъекта формируется представление о языке как «некоей системе правил, не допускающих вариантной интерпретации» [4, с. 388]. Так, по мнению респондентов, язык изучают из следующих соображений:

1) чтобы речь была грамотной и понятной, чтобы избежать речевых, грамматических и других ошибок;

2) чтобы сделать свою лексику более правильной и красивой (РФ – чтобы сделать речь грамотной);

3) чтобы правильно его употреблять, чтобы человеческая речь была грамотная. Ведь грамотность людей можно увидеть именно потому, как он владеет языком;

4) точнее понимать и быстрее усваивать грамматические, орфографические и орфоэпические нормы языка;

5) чтобы уметь правильно его использовать;

6) чтобы правильно произносить, чтобы знать, как например устранить какие-л. дефекты речи;

7) а как нам правильно говорить?;

8) для правильного произношения.

Ведь мы должны грамотно уметь построить предложение; и т. д. (Л):

1. Общаться, зная все правила языка, людям между собой легче. Приезжим людям из разных стран, изучающим не свой родной язык, таким образом так же легче общаться. И если знать, как устроен язык в каждой стране, можно сделать какие-то выводы о менталитете этой страны, об их нации.

2. Чтобы пользоваться языком и речью правильно.

3. Чтобы правильно понять сам язык.

4. Чтобы правильно произносить слова.

5. Чтобы знать как правильно говорить, писать, читать.

6. Чтобы строить предложения, грамотно их выстраивать, грамматично правильно. Чтобы общаться с людьми на другом языке они понимали, что вы хотите сказать.

7. Научиться правильно излагать свои мысли. Изучение других языков помогает человеку широко мыслить.

8. Правильно научиться излагать свои мысли, чувства (РФ – чтобы правильно построено предложение).

9. Чтобы правильно общаться на этом языке и т. д. (Ф).

Респонденты обеих групп отмечают ценность правил. Синонимами в их суждениях становятся прилагательные «правильный», «грамотный», «точный». Однако, «зона» распространения правильности во второй группе шире: респонденты, представляющие гуманитарные направления, говорят о *правильности речи, произношения, представители естественно-научных направлений – о необходимости правильно излагать мысли, чувства, правильно понимать, общаться, читать, строить предложения* и т. д. Может

быть, неслучайно и то, что только в суждениях респондентов второй группы дважды встречается высказывание: *язык состоит из правил*.

Вместе с тем хочется отметить, что целый ряд суждений не связан с «правильностью» и обладает эмоционально-оценочным «подтверждением» именно во второй группе:

1. *Изучать для общего развития, для развития речи, многостороннее изучение не повредит никому.*

2. *Язык – это отличительная черта каждой нации, можно сказать это некая изюминка, с помощью которой передаются особенности той страны, в которой тот или иной язык распространен. Изучать, чтобы понять структуру, особенности языка и т. д. Чтобы уметь заводить беседу с иностранными людьми.*

3. *Язык нужно изучать, чтобы понять сам язык, уметь говорить, и понять его культуру и страну, к которой принадлежит данный язык.*

Также и для собственного развития и т. д. (Л):

1. *Ибо мы не смогли бы говорить и вообще понимать друг друга.*

2. *Чтобы легче его изучать и знать о нем все!*

3. *Без него никак, мы не поймем другого.*

4. *Язык – часть культуры человечества. Состоит из образов, выражающихся в словах. Я думаю, для того, чтобы лучше понять сам язык и изучить все его тонкости.*

5. *Язык наверное состоит из символов (РФ – первые языки начинались с жестов, они перерастали в символы у людей). Изучать для понимания других.*

6. *Язык для каждой нации, страны является достоинством и гордостью. Язык – как широкое понятие – содержится в литературных произведениях, научных текстах, но также и в самой речи человека, и т. д. (Ф).*

В суждениях респондентов обнаруживается прагматический подход к языку: его нужно изучать «для грамотного написания, произношения»; зная структуру языка, перевод будет правильным; чтобы уметь разговаривать с иностранцами; чтобы уметь поль-

зоваться им» и т. д. Большая часть респондентов изучает язык, чтобы «*знать культуру других стран; для саморазвития, развития культуры речи, грамотности; чтобы больше узнавать страну этого языка, их произношение, их обычаи, правила людей*». На наш взгляд, в этом видится тенденция у представителей данной общественно-возрастной группы рассматривать иностранный язык как ценность, способ познания другого, культурного саморазвития.

Полученные результаты позволяют говорить о следующих доминирующих свойствах обыденного языкового сознания носителей молодежной субкультуры:

Эмоциональность, пристрастность. В своих суждениях респонденты часто используют следующие слова: *навверное, по-моему, лично для меня, лично я встречалась, на мой взгляд, насколько я знаю, я считаю, как мне известно, я думаю* и т. д.

Синдром ошибкобоязни. Данное свойство проявляется в ориентации на правила, отказе от реагирования, употреблении специальных фраз: *боюсь ошибиться, не знаю, не могу сказать*.

Мифологичность. В суждениях респондентов проявляются мифологемы «вещности» языка, слова; внутренней дискретности слова; «верховенстве» правил; оценочности.

Предположение о различиях между группами гуманитарных и естественно-научных направлений требует дальнейшего изучения. Интересным и перспективным представляется также продолжить исследование в двух направлениях:

– провести аналогичный эксперимент с тем же составом респондентов через 1 – 2 года на предмет сформированности профессионального мышления и его влияния на представления о языке;

– провести подобный эксперимент среди представителей иноязычной однородной общественно-возрастной группы и реконструировать на основании полученных данных особенности обыденного языкового сознания представителей разных национальных культур.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: в 2 т. – Т. 1 / Ю. Д. Апресян. – М., 1974.
2. Арутюнова, Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке: сб. статей. – М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание носителей русского языка и содержание школьного курса / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z51.html>
4. Голев, Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. – Ч. 2; отв. ред. Н. Д. Голев. – Томск, 2009.
5. Кашкин, В. Б. Обыденная философия, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология / В. Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. – Ч. 1; отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 41 – 61.
6. Лотман, Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки / Ю. М. Лотман. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. – 416 с.
7. Ростова, А. Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвуз. сб. науч. статей. – Кемерово; Барнаул: Изд. Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 49 – 67.

8. Рябова, М. Ю. Интерпретация грамматического времени в холистической модели / М. Ю. Рябова. – Режим доступа: http://www.kemsu.ru/science/Vestniki/2011_2.pdf

9. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php

10. Шапилова, Н. И. Отражение обыденного сознания в авторской картине мира (на материале художественного дискурса В. П. Астафьева) / Н. И. Шапилова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвуз. сб. науч. статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008.

Информация об авторах:

Белова Татьяна Мухорамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-951-188-08-78, tatbel42@mail.ru.

Tatiana M. Belova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

Медведева Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-905-075-62-56, lmv72@mail.ru.

Elena V. Medvedeva – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

Сарамотина Людмила Христофоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-913-297-61-12, l.saramotina@yandex.ru.

Liudmila Kh. Saramotina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

Савельева Ирина Викторовна – ассистент кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-904-991-20-10, veterokstekgsm@rambler.ru.

Irina V. Savelieva – Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.